

Т

АТЬЯНА ВАСИЛЬЕВА дебютировала на сцене Театра сатиры в 1970 году.

Тогда входили в моду исповедующиеся героини. Женщины, которые без свидетелей, пять вечеров кряду рассказывали, как не сложилась личная жизнь. Странных и сладких играли очень хорошие актрисы. Зрители, жалеючи, их любили.

Васильева оказалась совсем не той. Она была выше, басовитей, живее, чем предполагали некие правила приличия. Девушка на выданье, которую никак не могут сосватать. Для домочадцев — наказание господнее, с которым поневоле смирились. И при этом — хозяйка положения, дурочка умнее умных. Марья Антоновна, которая заморочит и завертит кого угодно.

Помогал голос. Его непредсказуемое движение вверх-вниз и всегда, даже в самые лирические минуты, с откровенно недоверчивой интонацией. Голос отгораживал Васильеву от нежелательных собеседников. А те находились на положении Городничего. Они не могли попасть в такт, угадать ответ, потому что не поспевали за вибрациями голоса, которые ежесекундно уточняли и меняли настроение. Она пропускала мимо ушей невнятный лепет, общалась, когда хотела, и часто играла за партнеров. Королева — свою свиту.

И только залу Васильева доверяла знать истинное состояние дел. В публике она находила неизменного союзника. И пока на сцене разводили руками и собирались с мыслями, зрители наслаждались приятным положением, в которое их ставила актриса.

Положение было приятным вдвойне. С одной стороны — доверенные лица очаровательной жен-

распространяется на всех. Ловушка без лазейки. Совсем недавно выяснилось, что перестроить можно даже западню, когда впереди прогресса побегит хорошо забытое старое.

Казалось, что трамваи на скучной и немойтой Новослободской двинулись по кругу времени. От нас — к началу века. Они останавливались перед афишей с названием, которое любили первые пассажиры конок. Афиша приглашала на

КРУГ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ

В солнечных сумерках, как девяносто лет назад, съезжалась публика, чтобы вновь встретить и проводить Раневскую. Искусство жить, творя праздник, открывало подспудный смысл. Теперь в лице Васильевой исповедовалось время.

...Она возникла на пороге в окружении многочисленных спутников, когда распахнулись створки всеобъемлющего шкафа. Слово поддалась крышка фамильного ларца с секретом, и все увидели утаенную там драгоценность. Великолепную женщину в темном. С ее трагическим белым лицом и откинутыми на затылок волосами. С тревожным мерцанием глаз, полных слез и смятения. Другая женщина вышла в лаптях и ситцевом платке. С заемной русой косой и корзиной в руках. И это была Раневская. Барышня-крестьянка, экипированная для долгих разговоров на пленэре (во втором акте).

А потом появился рыжий клоун. В декольтированном черном платье и смешных башмаках с большими бантами. Раневская последний раз правила бал в своем доме.

Три сцены слились на визитной карточке актрисы, которая играла спектакль, — Татьяна Васильева.

Разношерстная компания родственников и приживалов Раневской активно соотносила себя с сегодняшним днем. С нашим шапочным разбором на пепелище вишневых садов. Было ясно, кем приходится нам Гаев, а кем — Аня с Петей Трофимовым.

Раневская держалась особняком. Васильева снова была на авансцене. Она не скрашивала сентиментальностью ни единого движения. Не бравировала словами «мои грехи». А была самозабвенно, до кончиков пальцев порочна.

Раневская—Васильева не оправдывала свое состояние обстоятельствами. Но цена им была — тонкие женские пальцы, мертво вцепившиеся в дверной косяк погибшего дома.

щины. С другой стороны, и это куда важнее, Васильева открывала нам полезный секрет. Ее героини тоже не миновали передраги, неприятности и невезения. Они знали трагедию и бежали «обыкновенных чудес, круга, плодов просвещения». Но при этом упорно хранили в себе гармонию жизни, чувство неповторимости каждого дня. И день за служивал радости, потому что был первым таким от рождения и наверняка последним. Каждый раз его нужно было сотворить и сыграть заново — этот маленький личный бенефис.

Елизавета из старого спектакля Маяковского «Да здравствует королева, виват!» ближе к финалу была пожилой дамой с подагрой. Она долго упиралась, не хотела принять по делу столетней давности любовника. Государственные соображения, как всегда, брали верх. Но прежде чем встретить старика с трясущимися коленями, Елизавета — Васильева украдкой румянила щеки и рот. «Крашенные волосы — это символ моей жизни!» — вторила ей леди Китти из «Круга» Сомерсета Моэма. Получалось, что крашенные — от слова «украшать».

Удовольствие от этого сочинения своей судьбы, от его игривых пассажей и остроумия зритель испытывал вполне. Но факт, что женщины Татьяны Васильевой, последние сезоны все больше леди, были только изюмом в пресном пироге времени. Блестящим украшением и экзотикой.

В деталях, в повадке угадывалась суперсовременница, знающая толк, искушенная во многих заманчивых тонкостях быта. Но по правилам внутритеатральных отношений она выбирала средства, а роли — режиссер.

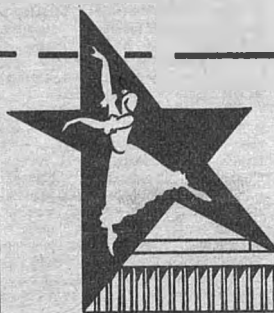
Васильева попала в западню для хорошей столичной актрисы. В круг, географически очерченный Садовым кольцом и условно — сиюминутной и неторопливой московской театральной жизнью. Масштаб, в котором заслуженно равны многие: талантом, занятиями, степенью признания публики.

Быть среди равных — успех, но в известной мере несчастье актеров. Предполагается, что они сыты экспериментами, творческими поисками и нашли свое амплуа, как своеобразный неисчерпаемый клондайк. Это реально для немногих, но

● **Татьяна ВАСИЛЬЕВА:** «Я не верю ни одному режиссеру из тех, с которыми работаю. Я всех их перепроверяю. В принципе я все делаю сама. И Раневскую в «Вишневом саде» я сделала сама. Но это не потому, что я себя хвалю».

премьеру спектакля в антрепризу Леонида Трушкина. Труппа, состоящая из именитых московских актеров, взяла себе имя Антона Чехова. Давали «Вишневый сад».

РЕКЛАМА

КОНКУРС

артистов и солистов балета в труппу ТЕАТРА БАЛЕТА КРЕМЛЕВСКОГО ДВОРЦА СЪЕЗДОВ

СОСТОИТСЯ

в помещении Кремлевского Дворца съездов

8 ИЮНЯ

Художественный руководитель — главный балетмейстер театра народный артист РСФСР А. ПЕТРОВ.

Справки по тел. 925-75-85 ежедневно с 11 до 17 часов, кроме субботы и воскресенья.

В этом сказало личное достоинство в отношениях со временем, которое бесполезно винить задним числом. Поэтому трагедия Раневской выходила за рамки конкретного спектакля и глубоко трогала. Противоречивая и хрупкая, она была ностальгией по вишневым садам и любви. Самым гуманным и конструктивным проявлением, на которое способен расшатанный мир.

Татьяна Васильева первой за много лет разомкнула круг и пошла в антрепризу. Сменила контекст своей сценической судьбы. Государственную советскую сцену — на подмостки русского театра.

Здесь все оказалось кстати. Манера апеллировать к публике, не разрушая гармонии на сцене. Собственная прическа, рост, голос и яркий рот больше не были чрезмерностью, которую нужно оправдывать комбинацией комических эффектов. Традиционный рыжий парик из основополагающего символа снизошел до положения рядового аксессуара, одного из проявлений нестандартной натуры.

В роли Раневской по всем статьям совпали время и актриса. Родился, быть может, новый имидж — чеховской иронии и самой Татьяны Васильевой. Произошло событие, которое меняет привычный масштаб. Оно вплотную подводит к заветной грани между брэнной популярностью и манящей легендой, которую оставляли по себе русские актрисы. Блистательные премьерши и первые дамы своего времени.

Возможно, Татьяна Васильева находится на пути из Керчи в Вологду. Но, к счастью, с него не возвращаются на круги своя.

Алена ЯЦУРА.

● Сцены из спектакля «Вишневый сад».

Фото Валерия Кузнецова.